

АРХЕТИПЫ И ИННОВАЦИИ В ДИАХРОНИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ МЕТАФОРИЧЕСКИХ СИСТЕМ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ¹

Е. Е. Аникин

Университет Южной Каролины (г. Колумбия, США)

Э. В. Будаев

Российский государственный профессионально-педагогический университет

А. П. Чудинов

Уральский государственный педагогический университет (г. Екатеринбург)

Поступила в редакцию 6 декабря 2014 г.

Аннотация: рассмотрено соотношение исторической стабильности и исторической вариативности метафорических систем в политической коммуникации. Сопоставлены методики исследования исторической динамики политической метафоры, которые использовали зарубежные специалисты (J. Charteris-Black, P. Chilton, Ch. de Landtsheer, G. Lakoff, A. Musolff, M. Osborn, D. Vertessen и др.). Охарактеризовано развитие теории и практики исторической метафорологии в публикациях современных российских специалистов (А. Н. Баранов, Л. В. Балашова, Э. В. Будаев, Т. Ю. Быкова, О. Н. Кондратьева, О. А. Солопова, А. П. Чудинов и др.).

Ключевые слова: метафора, концептуальная метафора, политическая коммуникация, политическая метафора, историческая вариативность метафор, метафорические архетипы, метафорические инновации, динамика метафорических систем.

Abstract: the article discusses correlations of historical stability and historical variability of metaphorical systems in political communication. Research methods of historical dynamics of political metaphors which are used by foreign scholars (J. Charteris-Black, P. Chilton, Ch. de Landtsheer, G. Lakoff, A. Musolff, M. Osborn, D. Vertessen et al.) are compared. Development of theory and practice of historical metaphorology in papers of modern Russian specialists (A. N. Baranov, L. V. Balashova, E. V. Budaev, T. Y. Bykova, O. N. Kondratyeva, O. A. Solopova, A. P. Chudinov) is characterized.

Key words: metaphor; conceptual metaphor; political communication, political metaphor; historical variability of metaphors, metaphorical archetypes, metaphorical innovation, dynamics of metaphorical systems.

Исследование диахронического развития политической метафоры – одно из интенсивно развивающихся направлений науки, находящееся на пересечении сравнительно-исторического языкознания, когнитивистики и политологии. В наиболее общем виде диахроническое сопоставление политической метафоры направлено на рассмотрение взаимодействия тенденций к стабильности и динамике, к сохранению культурной самобытности и взаимодействию с другими культурами, к чередованию периодов интенсивного развития («метафорические бури») и

периодов относительной стабильности («метафорические штилы»).

Стабильность, традиционность метафорической картины мира проявляется в том, что арсенал политических метафор имеет устойчивое ядро, которое сохраняется с глубокой древности. Согласно этой точке зрения, и в Древней Греции, и в средневековой Европе, и в современном мире политические метафоры во многом похожи, поскольку отражают устойчивые детерминанты человеческого сознания или архетипы коллективного бессознательного. Темпоральная стабильность дополняется значительным параллелизмом метафорической картины мира в различных регионах земного шара. Применительно к политическим метафорам эта точка зрения была последовательно сформулирована Майклом

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда: проект 14-04-00268 «Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления».

© Аникин Е. Е., Будаев Э. В., Чудинов А. П., 2015

Осборном и его единомышленниками в теории архетипичных метафор [1; 2]. М. Осборн в основном опирался на методологию бихевиоризма, хотя в принципе подобные выводы могут находить методологическое основание в разных теориях (структурализм В. Я. Проппа, историческая поэтика А. Н. Веселовского, аналитическая психология К. Г. Юнга, экспериенциальный реализм и теория «телесного разума» Дж. Лакоффа и М. Джонсона).

Действительно, схожие метафоры фиксируются исследователями в разных культурах и в разные времена. К примеру, метафоры болезни регулярно используются в разных странах для представления вредного воздействия Чужого, хотя сфера-мишень для подобных метафор меняется в зависимости от политической конъюнктуры, адресата и адресанта дискурса. Если во Франции XVI в. сторонники Бурбонов видели причину болезни страны в католицизме, то французские католики считали источником недуга распространение протестантской ереси. Показательно, что и те, и другие подразумевали под «лечением» уничтожение идейных противников, чем антагонисты и занимались в затяжных гугенотских войнах. Подобные метафоры обнаруживаются много лет спустя в риторике А. Гитлера [3–8], Й. Геббельса и А. Розенберга [9], видевших причины болезней Германии в заговоре «паразитов-евреев». Столь же востребована метафорика из сферы-источника «Болезнь» при формировании образа врага во второй половине XX в. (в частности, в политическом дискурсе США периода войны во Вьетнаме [10], в выступлениях Дж. Буша-младшего [11]).

По мере накопления конкретных наблюдений становилось очевидным, что политическая метафорика обладает значительной диахронической вариативностью, социально-политическое развитие общества вместе с развитием производительных сил закономерно ведет к развитию метафорических систем. Уже в 1977 г. создатель теории о неизменных архетипичных метафорах опубликовал работу, в которой пересмотрел категоричность некоторых своих постулатов [2]. М. Осборн пришел к выводу, что, несмотря на то, что архетипичные метафоры используются во всех культурах и во все времена, развитие культуры, науки и техники может воздействовать на их частотность. Изучив 56 политических выступлений XIX–XX вв., он обнаружил, что технологический прогресс может уменьшать распространенность традиционных метафор. Например, в XX в. резко уменьшилось количество метафорических образов, связанных с водой, в то время как ранее подобные метафоры были очень распространены.

Даже самые устойчивые метафорические образы претерпевают с течением времени изменения. Показательны выводы А. Харви [12], который проследил историю политической метафоры «Государство – это организм». Исследование показало, что подобное осмысление государства – одна из древнейших метафор человечества. Развертывание антропоморфной метафорической модели обнаруживается уже в древних священных текстах. В Ригведе описывается, что священство произошло из рта проточеловека, воины – из его рук, пастухи – из бедер, земледельцы – из ступней. В Ветхом Завете пророк Даниил, трактуя пророческий сон Навуходоносора, использует метафору человеческого тела. Прагматический потенциал политической антропоморфной метафоры использовался и в Древнем мире, и в текстах периода Средних веков, и в Новое время. Например, Иоанн Солсберийский предлагал следующую метафорическую картину государства: принц – это голова; органы управления – сердце; судьи – глаза, уши и язык государства. Соответственно, солдаты – это руки государства; крестьяне – ступни ног; сборщики налогов – государственный желудок, который обеспечивает организм энергией. Метафору «Государство – это организм» использовали также Ф. Сидней, Б. Барнс, Ф. Бэкон, Т. Гоббс и другие мыслители, но все-таки в эру индустриальной революции антропоморфную метафору значительно потеснили метафоры механизма.

Архетипичность политической метафорики получила оформленный характер в теории концептуальной метафоры, согласно которой механизмы метафоризации бессознательны и определяются физическим опытом взаимодействия человека с окружающим миром [13]. Таким образом, важным основанием для метафорического универсализма стала анатомо-физиологическая общность представителей *homo sapiens*, до некоторой степени предопределяющая закономерности мышления. Вместе с тем при критике теории концептуальной метафоры необходимо учитывать, что согласно теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона концептуальные метафоры согласованы с основными концептами той или иной культуры, что в принципе не только преодолевает недостатки культурного универсализма, но и объясняет причины диахронической вариативности политической метафорики.

Для когнитивной теории политической метафоры важны публикации Дж. Лакоффа, посвященные первой и второй войне в Персидском заливе [14; 15]. Здесь автор, с одной стороны, демонстрирует однотипность многих метафорических образов, а с другой – выделяет новые метафорические модели. Исследователь детально характеризует метафорические системы, служащие для оправдания участия США в

военных действиях против Ирака и метафорические способы дискредитации президента Саддама Хусейна. Автор справедливо подчеркивает культурную и историческую обусловленность метафор: например, метафорическое представление отношений между Ираком и Кувейтом как внутрисемейных споров между старшим и младшим братом, которое оказывало мощное воздействие на арабов, совершенно не действовало на американцев. Соответственно, характерное для американцев представление войны как спортивного состязания или бизнес-проекта оставляло равнодушными большинство арабов.

Важное место в исследовании диахронических свойств метафоричности дискурса занимают работы Х. Де Ландтсхеер, в которых на примере голландского политического дискурса было доказано, что количество метафор увеличивается в периоды общественно-политических кризисов [16; 17]. В совместном исследовании Х. Де Ландтсхеер и Д. Фергессен [18], сопоставив метафорику бельгийского предвыборного дискурса с метафорикой дискурса в периоды между выборами, обнаружили, что показатель метафорического индекса (включающего такие критерии, как частотность и прагматический потенциал сферы-источника) увеличивается в предвыборный период. Эти наблюдения послужили подтверждением того, что метафора является важным средством разрешения проблемной ситуации, и впоследствии легли в основу комбинаторной теории кризисной коммуникации (CCC-theory).

Отдельный интерес вызывает исследование динамики политической метафоры в рамках одной исходной понятийной сферы. Так, А. Мусолфф [19] прослеживает «эволюцию» метафоры «Европа – это дом / строение» за последнее десятилетие XX в. на материале английских и немецких газет. Автор выделяет два периода в развитии domestic metaphor. Оптимистический период приходится на 1989–1997 гг., когда *разрабатывались смелые архитектурные проекты, укреплялся фундамент, возводились столбы*. По мере роста противоречий в 1997–2001 гг. начинают доминировать скептические или пессимистические метафоры: в евродоме начинается *реконструкция, на строительной площадке царит хаос, иногда евродом даже превращается в горящее здание без пожарного выхода*. Сравнивая метафоры второго периода, автор отмечает, что немцы были менее склонны к актуализации негативных сценариев (*необходим более реалистичный взгляд на строительство*), в то время как англичане чаще отражали в метафоре дома пессимистические смыслы (*немцы – оккупанты евродома или рабочие, считающие себя архитекторами*).

Для нашего исследования особую значимость имеет вопрос об исторической динамике российских

(советских) политических метафор. Уже в первых отечественных публикациях по этой проблеме было отмечено, что в сталинскую эпоху доминировали метафоры войны и механизма, во времена Л. И. Брежнева максимально активизировались метафоры родства, а domestic и строительные метафоры – отличительный признак эпохи перестройки [20; 21]. Соответственно, метафоры из сфер-источников «театр», «секс и криминальный мир», «монархия» – яркая примета периода президентства Бориса Ельцина [22; 23].

В исследовании Н. М. Чудаковой убедительно показано, что существенные изменения в экономической, политической и культурной жизни страны закономерно приводят к обновлению метафор со сферой-источником «неживая природа». Так, в 1970-е гг. (период антагонистических отношений между социалистическим и капиталистическим лагерями, состояния «холодной войны», войны в Афганистане) в подобных метафорах прослеживалась отчетливая градация образов по признаку «свой–чужой». В начале 1990-х гг. (августовский путч, распад СССР, подавление оппозиции в Москве) природоморфные метафоры имели ярко выраженный негативный характер. В начале XXI в. появилась тенденция к увеличению доли позитивно окрашенных природных метафор (*русло, река, движение по дороге, атмосфера* и др.), что, по мнению автора, связано с повышенным вниманием к традиционным фундаментальным ценностям русского народа [24].

В монографии Н. Котейко [25] прослеживаются постсоветские инновации в политических реминисценциях и метафорах. Автор рассматривает, как «маргинализация» политического языка, пришедшая в 1990-е гг. на смену советскому новоязу, трансформируется в дискурс «советской ностальгии» (Soviet nostalgia), рельефно проявляющийся в выступлениях В. В. Путина. Метафорическое «возвращение в СССР», которое раньше было характерно только для коммунистического дискурса сторонников Г. А. Зюганова, все чаще обнаруживается и в текстах, созданных сторонниками действующего Президента.

В исследовании А. А. Пшенкина рассмотрены закономерности метафорического представления образа СССР и России в американском политическом дискурсе со второй половины XX в. до начала нового столетия, автор выделяет при этом два основных исторических периода – советский и постсоветский. Данное исследование ярко демонстрирует, что при создании образа если не друга, то хотя бы партнера используются совсем иные метафоры, чем образы, которыми использовались при характеристике «империи зла»: это касается не только репертуара моделей, но и конкретных фреймов, слотов и концептов. Вместе с тем автор показывает, что многие способы

метафорического представления остаются стабильными и стереотипы в американском политическом дискурсе изменяются крайне медленно [26]. Различия нередко касаются даже не самих метафор, а их прагматического потенциала. Так, метафоры со сферой-источником «бизнес» обычно несут позитивную эмоциональную окраску, поскольку для американцев относиться к политике как к бизнесу – это значит относиться к ней максимально серьезно. В России образы «торгашей и спекулянтов» обычно призваны возбудить негативные эмоции, русские предпочитают говорить о принципах, о высокой морали и справедливости [23; 26].

В исследовании Э. В. Будаева [27; 28] для анализа динамики российской политической метафоры XXI в. была предложена методика равномерной фрагментации дискурса с комбинированным шагом. При таком подходе на первом этапе исследования сопоставлялась частотность метафор болезни по годам, на втором – по сезонам.

Анализ метафор болезни в корпусе из 67 200 текстов российских СМИ показал, что уровень морбальной метафоры планомерно снижался в 2000–2006 гг., а в 2007 г. в преддверии мирового экономического кризиса наметился небольшой рост. Эти данные коррелируют с представлениями граждан России об улучшении социально-экономической ситуации, наблюдаемом в годы первого президентства В. В. Путина. Если в конце XX в. метафорическая модель «Современная Россия – это больной организм» относилась к доминантным метафорическим моделям [22], то в начале нового столетия наблюдается значительное ослабление концептуальных векторов нежелательного развития ситуации.

На втором этапе исследования использовался шаг фрагментации, равный сезону (трем месяцам), что позволило обнаружить другую закономерность. Колебание частотности метафор болезни в российских СМИ имеет циклический характер, при этом нижняя точка амплитуды колебаний приходится на летние месяцы. Подобное распределение может быть связано с традиционными для России представлениями о холодном времени года как о периоде болезней, ослабления организма, в то время как лето обычно ассоциируется с восполнением жизненных сил и здоровья. Эти представления восходят к целому ряду факторов, связанных с особенностями экстралингвистических реалий медицинского и климатического характера, и сознательно или бессознательно проявляются в метафорике политического дискурса.

Таким образом, использование равномерной фрагментации с комбинированным шагом показало, что динамика метафорических систем коррелирует с многочисленными когнитивными и дискурсивными факторами.

Метафорический образ СССР в советском и американском политическом дискурсе эпохи сталинизма проанализировала Т. Ю. Быкова [29–31]. Автор использует метод фокусной фрагментации, который помогает выявить основные взаимосвязи между метафоричностью политического дискурса и важнейшими событиями в политической жизни страны. При фрагментации разграничены три периода: довоенный, военный и послевоенный.

Взяв за основу количественного анализа теорию Х. Де Ландтсхеер [17], Т. Ю. Быкова определяет коэффициент метафорической силы с учетом трех производных: переменной частотности метафор (F – frequency), переменной интенсивности (I – intensity) и переменной содержания (условно обозначаемой D – content). На основе тщательного статистического анализа автор выделяет доминантные для названной эпохи метафорические модели советского дискурса (сферы-источники «война», «механизм», «человеческий организм», «родство»), а затем описывает существенные особенности советской метафоры предвоенного, военного и послевоенного периода. В частности, обнаружено, что в довоенный период доминантными источниковыми сферами выступали мир вещей и мир живой/неживой природы. В годы войны все более активно стали использоваться образы, восходящие к миру человека. Советский медийный политический дискурс характеризуется концептуальными векторами отваги, смелости, проявляющимися положительными коннотациями. В послевоенные годы начинается активизация военной метафоры. Советский народ ведет борьбу за выполнение плана, вступает в бой за сбор урожая, отражает вражеские атаки на идеологическом фронте.

В публикациях О. А. Солоповой рассмотрены общие закономерности и национальные особенности метафорического моделирования будущего России в российских, британских и американских СМИ с середины XIX до начала XXI в. [32–34]. В процессе исследования разработана и реализована на практике новая методика диахронического сопоставительного когнитивно-дискурсивного исследования образных и иных стилистических средств, направленных на презентацию будущего в политическом дискурсе. Указанная методика включает внутрискурсивное и междискурсивное сопоставление синхронных и диахронных моделей, каждая из которых состоит из матрицы (статической/динамической), системы метафорических моделей (в синхронии и диахронии) и метафорического сценария (статического/динамического). Три уровня модели обеспечивают одновременную преемственность и изменяемость концептуализации будущего.

Автор доказал, что ретроспективные модели «Будущее России» середины XIX – начала XX в. в

политических дискурсах России, США и Великобритании демонстрируют высокую степень тождественности на уровне статических матриц. Об этом свидетельствует преобладание контекстов параметра «внешняя политика», идентичное распределение подпараметров «внешней политики» по шкале частотности в дискурсах трех стран, распределение подмножеств «внутренней политики» в дискурсах России и США. Для систем метафорических моделей характерно преобладание неметафорической вербализации вероятного развития событий над образной; совпадение доминантных метафор «пути» и «болезни» в трех дискурсах, криминальных и зооморфных образов в англоязычных дискурсах. На уровне метафорических сценариев для фрейма «Участники» типично слияние образов царя, монархии, правительства в англоязычных дискурсах, дискретная концептуализация отношений России с США и странами Западной Европы в трех дискурсах; однотипная наполненность слота «Темпоральная локализация» в трех дискурсах, «Пространственная локализация в дискурсах США и Великобритании», доминирование «светлого будущего» в рамках российского и американского фреймов «Последствия».

В исследованиях О. Н. Кондратьевой была предложена методика диахронического анализа метафоры в отдельно взятой лингвокультуре, описаны основные факторы, влияющие на возникновение и эволюцию метафорических моделей и продемонстрирована зависимость метафорических моделей от эпохи, типа культуры и вида дискурса [35]. О. Н. Кондратьева отмечает, что в древнерусских текстах при описании политических реалий наиболее активно использовались метафоры с концептуальными векторами агрессивности и отклонения от естественного положения вещей. Например, Иван Грозный и Андрей Курбский для характеристики своих политических оппонентов используют три группы метафор с ярко выраженным негативным потенциалом: «политический противник – это животное», «политический противник – это отродье дьявола» и «политический противник – это больной человек» [35–37].

Своего рода энциклопедией истории русской метафоры стала обобщающая монография «Русская метафорическая система в развитии: XI–XXI вв.» [38]. Для нашего обзора особенно важна третья глава, где представлено авторское видение принципов диахронического исследования метафоры. В поисках истоков современной теории Л. В. Балашова обращается к созданным еще в конце XIX в. трудам Н. В. Крушевского, который сформулировал закон «соответствия мира слов миру мыслей» и доказал, что изменения значений слов во многом зависят от динамики «наших представлений о реальной действительности». Важную роль для исторической ме-

тафорологии представляют идеи М. М. Покровского, который на рубеже XIX и XX вв. неоднократно подчеркивал системный характер развития словесной семантики. Вместе с тем Л. В. Балашова справедливо отмечает взаимодействие «системных и асистемных тенденций как в синхронном состоянии языка, так и в его развитии» [там же, с. 43]. Исследователь подчеркивает «необходимость учитывать особенности культуры народа, реалии, сопровождающие носителей языка», а также взаимодействие языческой и христианской культур, славянских и византийских традиций метафоротворчества [там же, с. 46].

Подводя итоги представленного обзора, отметим, что рассмотренные в нашей статье исследования свидетельствуют о том, что национальная система российских политических метафор характеризуется, с одной стороны, тенденцией к сохранению своей культурной самобытности, а с другой – тенденцией к взаимодействию с системами политических метафор, характерными для иных государств и культур. В зависимости от дискурсивных условий на том или ином этапе развития каждая из названных тенденций может оказаться преобладающей.

Исследование политической метафоры с учетом исторической перспективы подтверждает постоянное взаимодействие двух свойств системы политических метафор: архетипичности и изменчивости, вариативности. Развитие системы политических метафор, как правило, проявляется не в появлении принципиально новых смысловых типов метафор, а в динамике уровня метафоричности политического дискурса, в изменении частотности использования тех или иных метафорических моделей, в создании новых метафорических наименований на основе традиционных моделей, в расширении сфер-мишеней метафорической экспансии, когда для обозначения социально актуальных феноменов создаются все новые и новые метафорические обозначения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Osborn M.* Archetypal Metaphor in Rhetoric : The Light-Dark Family / М. Osborn // *Quarterly Journal of Speech.* – 1967. – Vol. 53. – P. 115–126.
2. *Osborn M.* The Evolution of the Archetypal Sea in Rhetoric and Poetic / М. Osborn // *Quarterly Journal of Speech.* – 1977. – Vol. 63. – P. 347–363.
3. *Мусолфф А.* Политическая «терапия» посредством геноцида : антисемитские концептуальные образы в книге Гитлера «Mein Kampf» / А. Мусолфф // *Будаев Э. В., Чудинов А. П.* Современная политическая лингвистика. – Екатеринбург : УрГПУ, 2006. – С. 151–171.
4. *Chilton P.* Manipulation, memes and metaphors : The case of Mein Kampf // *Manipulation and Ideologies in the Twentieth Century* / Ed. by L. de Saussure P. Schulz.

– Amsterdam & Philadelphia : John Benjamins, 2005. – P. 5–45.

5. *Hawkins B.* Ideology, metaphor and iconographic reference // *Language and Ideology* / Ed. by R. Dirven, R. Frank, C. Ilie. – Volume II : Descriptive Cognitive Approaches. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 2001. – P. 27–50.

6. *Musolff A.* Which role do metaphors play in racial prejudice? The function of anti-Semitic imagery in Hitler's 'Mein Kampf' // *Patterns of Prejudice*. – 2007. – Vol. 41 (1). – P. 21–44.

7. *Rash F.* Metaphor in Adolf Hitler's Mein Kampf // *Metaphorik.de*. – 2005. – № 9. – P. 74–110.

8. *Rash F.* The Language of Violence. Adolf Hitler's Mein Kampf. – N. Y. : Peter Lang, 2006. – 263 p.

9. *Musolff A.* From Social to Biological Parasites and Back. The Conceptual Career of a Metaphor // *Contributions to the History of Concepts*. – 2014. – Vol. 9(2). – P. 18–32.

10. *Milliken J. L.* Metaphors of Prestige and Reputation in American Foreign Policy and American Realism // *Post-Realism : The Rhetorical Turn in International Relation*. – East Lansing : Michigan State University Press, 1996. – P. 217–238.

11. *Charteris-Black J.* Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor. – Basingstoke : Palgrave MacMillan, 2005. – 239 p.

12. *Harvey A. D.* The Body Politic : Anatomy of a Metaphor / A. D. Harvey // *Contemporary Review*. – 1999. – Vol. 275 (1603). – P. 85–93.

13. *Lakoff G.* Metaphors We Live by / G. Lakoff, M. Johnson – Chicago : University of Chicago Press, 1980. – 242 p.

14. *Lakoff G.* Metaphor and War, Again / G. Lakoff. – 2003. – Режим доступа: www.alternet.org/story.html?StoryID=15414

15. *Lakoff G.* Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf / G. Lakoff. – 1991. – Режим доступа: metaphor.uoregon.edu/lakoff-l.htm

16. *De Landtsheer Ch.* Talking about Srebrenica. Dutch Elites and Dutchbat. How Metaphors Change During Crisis / Ch. De Landtsheer, I. De Vrij // *Metaphorical World Politics* / Ed. by F. A. Beer, Ch. de Landtsheer. – East Lansing : Michigan State University Press, 2004. – P. 163–189.

17. *De Landtsheer Ch.* Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratification Approach / Ch. De Landtsheer // *Communication and Cognition*. – 1991. – Vol. 24(3/4). – P. 299–342.

18. *Vertessen D.* A Metaphorical Election Style : Use of Metaphor at Election Time / D. Vertessen, Ch. De Landtsheer // *Political Language and Metaphor : Interpreting and Changing the World* / Ed. by T. Carver, J. Pikalo. – London : Routledge, 2008. – P. 271–285.

19. *Musolff A.* Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe. – Basingstoke : Palgrave MacMillan, 2004. – 211 p.

20. *Баранов А. Н.* Русская политическая метафора. Материалы к словарю / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – М. : Ин-т русского языка АН СССР, 1991. – 193 с.

21. *Баранов А. Н.* Словарь русских политических метафор / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – М. : Помовский и партнеры, 1994. – 351 с.

22. *Чудинов А. П.* Россия в метафорическом зеркале : когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А. П. Чудинов; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.

23. *Чудинов А. П.* Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2003. – 248 с.

24. *Чудакова Н. М.* Концептуальная область «Неживая природа» как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой информации (2000–2004 гг.) : дис. ... канд. филол. наук / Н. М. Чудакова. – Екатеринбург, 2005. – 225 с.

25. *Koteyko N.* Language and Politics in Post-Soviet Russia : A Corpus Assisted Approach / N. Koteyko. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2014. – 208 p.

26. *Пшенкин А. А.* Метафорический образ СССР/ России в американском политическом дискурсе второй половины XX – начала XXI веков : дис. ... канд. филол. наук / А. А. Пшенкин. – Барнаул, 2006. – 194 с.

27. *Будаев Э. В.* Политическая метафорология : курсы сопоставительного анализа / Э. В. Будаев // *Политическая лингвистика*. – 2010. – № 1 (31). – С. 9–23.

28. *Будаев Э. В.* Сопоставительная политическая метафорология : дис. ... д-ра филол. наук / Э. В. Будаев. – Екатеринбург, 2010. – 474 с.

29. *Быкова Т. Ю.* Отцы и дети великой страны : метафора родства в советском политическом медиадискурсе 1930–1954 гг. / Т. Ю. Быкова // *Политическая лингвистика*. – 2014. – № 2. – С. 114–119.

30. *Быкова Т. Ю.* Подготовка к войне или великая стройка? Метафорический образ Советского Союза в довоенный период (1930–1939 гг.) / Т. Ю. Быкова // *Политическая лингвистика*. – 2011. – № 3. – С. 69–74.

31. *Быкова Т. Ю.* Метафорический образ СССР в советском и американском медийных политических дискурсах 1930–1954 гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. Ю. Быкова. – Екатеринбург, 2014. – 23 с.

32. *Солопова О. А.* Сценарный метод исследования когнитивно-дискурсивных моделей будущего в политическом тексте / О. А. Солопова // *Вестник Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина*. – Сер. «Филология». – СПб., 2011. – № 4, т. 7. – С. 167–177.

33. *Солопова О. А.* Когнитивно-дискурсивная ретроспекция : исследование моделей будущего в политическом дискурсе / О. А. Солопова. – Челябинск : Изд-во Центр ЮУрГУ, 2013. – 175 с.

34. *Солопова О. А.* Россия в Европе : будущее в метафорическом зеркале прошлого / О. А. Солопова // *Вопросы когнитивной лингвистики*. – Тамбов, 2014. – № 3. – С. 126–137.

35. *Кондратьева О. Н.* Динамика метафорических моделей в русской лингвокультуре (XI–XX вв.) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / О. Н. Кондратьева. – Екатеринбург, 2014. – 46 с.

36. Кондратьева О. Н. Натурморфная метафора как средство осмысления концепта «душа» в русской лингвокультуре (диахронический аспект) / О. Н. Кондратьева // Вестник Моск. гос. гуманитар. ун-та им. М. Шолохова. – Сер.: Филологические науки. – 2012. – № 4. – С. 83–94.

Университет Южной Каролины (г. Колумбия, США)

Аникин Е. Е., кандидат филологических наук, преподаватель факультета политологии, докторант факультета политических наук

E-mail: anikin@email.sc.edu

Тел.: +1 803-463-57-78

Российский государственный профессионально-педагогический университет (г. Екатеринбург)

Будаев Э. В., доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков

E-mail: aedw@mail.ru

Уральский государственный педагогический университет (г. Екатеринбург)

Чудинов А. П., доктор филологических наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности

E-mail: ap_chudinov@mail.ru

Тел.: (343) 336-15-92

37. Кондратьева О. Н. Метафорическое моделирование в педагогическом дискурсе / О. Н. Кондратьева // Педагогическое образование в России. – 2013. – № 1. – С. 116–122.

38. Балашова Л. В. Русская метафорическая система в развитии : XI–XXI вв. / Л. В. Балашова. – М. : Рукописные памятники Древней Руси : Знак, 2014. – 632 с.

University of South Carolina (Columbia, USA)

Anikin E. E., Candidate of Philology, Lecturer of the Political Science Faculty, Doctoral Candidate of the Political Sciences Faculty

E-mail: anikin@email.sc.edu

Tel.: +1 803-463-57-78

Russian State Professionally Pedagogical University (Ekaterinburg)

Budaev E. V., Doctor of Philology, Professor of the Foreign Languages Department

E-mail: aedw@mail.ru

Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg)

Chudinov A. P., Doctor of Philology, Professor, Vice-rector for Academic and Innovative Activities

E-mail: ap_chudinov@mail.ru

Tel.: (343) 336-15-92??